

В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДАЛЕКЕ

Независимая газета,
-1998.- 7 мая.- с. 9

Лауреат «Букера» и «Антибукера»
Александр Гольдштейн
по-прежнему служит литправщиком

НЕСКОЛЬКО слов о том, что называют библиографией.

Что произошло в вашей работе после всей истории с премиями?

— Все равно наиболее важным является книга (то есть «Расставание с Нарциссом»), а также две больших, по моим меркам, статьи: одна посвящена переключке Камю и Арто и называется «Две Чумы», вторая же — Юкио Мисима в сопоставлении с самурайским кодексом, но анализировалось это на событиях моей собственной жизни. Скажем, самурайские максимы типа «самопожертвование» и «преданность» переплетены с бытом бакинского рабочего общежития.

То, что я пишу сейчас (но это уже тайная или теневая библиография), — связный текст из рассуждений, перемежающихся событиями, такой тель-авивский текст.

— Вы продолжаете работать в газете. Как сочетается ваша литературная и журналистская деятельность? Мешает ли газета писать?

— Мешает. И, по крайней мере, в двух смыслах. Во-первых, она отнимает время, достаточно много времени, поскольку обязанности мои не сводятся к писанию, а я сижу там в качестве литправщика более сорока часов в неделю.

Во-вторых, это сбивает стилистически, потому что, работая в газете, я поневоле стараюсь имитировать барочную разухабистость тона, накручивание метафор в тот момент, когда нечего писать, но нужно выдать необходимый размер. Создаешь себе искусственную стилистическую маску, чтобы фраза катилась, искусственно заворачивая придаточные. Это совершенно не мое естество.

Интервью доставляют мне гораздо больше удовольствия, потому что можно общаться с людьми, можно найти персонажей достаточно колоритных и интересных. И к тому же интервью вообще очень интересный жанр, потому что в нем раскрывается даже не один человек, а два.

Газета помогает просто прожить. Это единственный источник моего существования — я не получаю никаких грантов, а становиться сторожем, как мне кажется, просто непродуктивно.

— А можно ли на израильской земле говорить о мифологической для западного мира фигуре писателя — университетского преподавателя, человека, привязанного к определенной литературно-общественной функции, или, скажем, писателя-сторожа?

— В здешней русской литературе существуют все перечисленные вами типы, кроме, быть может, университетского поэта-лауреата. Здесь люди связаны своими корпоративными рамками и остаются филологами-литературоведами, в лучшем случае позволяющими себе стилизаторские или мистификаторские забавы.

Все остальное в израильской русскоязычной среде есть — есть люди, работающие сторожами, заводскими рабочими, рассыльными, бывшие боксеры (часто почему-то из среднеазиатских республик), кроме, быть может, бизнесменов, которые не занимаются литературой по понятным причинам.

Есть такой тип, почему-то связываемый с румынским евреем, грубальный, с каким-то страшным сексуальным, армейским и тюремным опытом, человек, пишущий в шаламовской манере, но притом с цветистым языком и какими-то религиозными обертонами, с непременной экзальтацией и непременной тягой к Всевышнему.

— Кого из израильских писателей, пишущих по-русски, вы могли бы назвать для себя интересным?

— Это, как всегда, очень сложный вопрос. Но тем не менее я хотел бы назвать Михаила Гробмана, чрезвычайно интересного поэта и художника, живущего здесь уже двадцать пять лет. Человек не только творчески, но и лично имевший связь с тем, что называлось «лианозовской школой». Затем это люди, группирующиеся вокруг журнала «Зеркало». Из поэтов я назвал бы Александра Бараша, москвича, живущего в Израиле около десяти лет. Затем ленинградку Александру Петрову, автора тоже довольно интересных стихов. Из прозы это Моисей Винокур, Израэль Шамир...

— Сейчас уже можно назвать несколько российских передач в электронных средствах информации, которые посвящены литературе. Существуют ли литературные передачи, аналогичные московским?

— На телевидении этого нет, потому что нет русскоязычных каналов, а на радио есть большое количество подобных передач, причем все они чудовищно низкого качества, и, как правило, в них не идет речи о современной русскоязычной литературе. Это, как правило, ностальгические вопли либо о загубленной еврейской культуре, либо поэзия еврейской души — я не преувеличиваю, есть передачи с такими названиями.

Хотя иногда есть попытки посвятить передачу действительно актуальной книге, здесь вышедшей. Например, была попытка сделать передачу, посвященную в прямом смысле новинкам — компакт-дискам, — но, кажется, из этого ничего не вышло.

— Не могли бы вы назвать несколько российских авторов, имена которых здесь повторяются?

— В молодежной среде, в широком смысле этого слова, очень популярным является Пелевин. Мой экземпляр «Чапаева и Пустоты» передавался из рук в руки десятки раз. Существует класс молодых людей, регулярно покупающих Пригова.

В конфессиональной среде любителей фантастики большой популярностью пользуются Лазарчук и Успенский — то поврозь, то вместе, как в последнем романе.

Конечно, вечно любим Бродский.

Но нужно заметить, что сейчас все стало более фасеточным, еще года два назад существовала более жесткая иерархия.

— Можно ли говорить о массовой литературе в Израиле как об экспортированной или есть собственная традиция в этом явлении?

Ведь здесь есть все предпосылки множественного влияния.

— Здесь нет собственного рынка массовой литературы, по большей части она экспортирована. Были странные попытки создания собственной, когда в некоторых журналах появились полуанонимные эротические повествования с названиями типа «Спи спокойно, дорогой товарищ!». Это был целый жанр. Но в целом здесь все-таки нет слаженного и хорошо функционирующего рынка. Есть просто личная литература, которая не становится массовой. Это факты журнального рынка, а не книжного. Вся массовая литература на иврите — переводная.

Впрочем, попытки были, причем попытки идеологические. Еще в двадцатые годы Жаботинский высказывал мысль о необходимости создания собственного еврейского детектива для воспитания боевого духа, еврейской предприимчивости и шерлокхольмсовского хитроумия. Эта идея была, и была вполне связно артикулирована еще в двадцатые годы. Впрочем, она так и осталась идеей, насколько я могу судить.

Почему-то нет собственного жанра фэнтези.

— А это как-то объяснялось?

— Здесь существовали попытки создания еврейской фэнтези на основании своих оригинальных мистических представлений, заимствованных из Каббалы или из каких-то иных источников. Один известный талмудист и математик заметил по этому поводу: одним из препятствий остается то, что евреи слишком серьезно относятся к себе и своим легендам и не допускают игрового элемента.

Беседовал Владимир БЕРЕЗИН

